

Полуночные тени

Санджар Хонгират Борджигин

В эту ночь с Санджаром наконец-то не осталась зайчиха, которая следила за каждым его словом и носилась с ним как с китайской вазой. Он достаточно пришел в себя, чтобы его не нужно было пасти круглые сутки. Мать спала. А Санджар уснуть не мог. Все еще перевязанное плечо ныло, но не так сильно, чтобы просить о помощи. Он встал с кровати. Долго возился с рубахой, затем с дэгэлом, потому что правая рука оставалась на перевязи, а ночь была холодной. Он злился на себя и по-прежнему злился на Алахчит, с которой не виделся с тех пор, как она заходила к нему в первый вечер.

Санджар тихо вышел на улицу. Орда спала. Он не мог выйти со стоянки, потому что таким было распоряжение Великого Хана, но и между гэрами было тихо и безлюдно. А ночной ветер был свежим и позволял прояснить мысли. Санджар увидел вдалеке отблески костра возле стоянки Борджигинов. Сначала он думал, что лучше уйти в другую сторону. И какое-то время стоял неподалеку от своего гэра у левад, где отдыхали его лошади. Но ноги сами несли его туда, где виднелся огонь.

В гэра Великого Хана горел костер, а возле него Санджар заметил силуэт Алахчит. Он не мог её не узнать, но остался стоять чуть в стороне, зная, что она могла сейчас его видеть.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит снова поступила очень по-взрослому и очень по-женски. Она просто перестала заходить в гэр Санджара, ограничиваясь новостями, что рассказывал ей мальчишка, которого она приставила караулить гэр хана Хонгиратов, да расспросами Навчин-ханум. Санджар шел на поправку, хотя рука оставалась все еще на перевязи, но его здоровью более ничего уже не угрожало, и Алахчит могла вплотную заняться делами и перестать заикливаться на своей обиде на Санджара. Хотя это было проще сказать, чем сделать.

Вечерами она долго не могла уснуть, и потому прирастилась сидеть у костра до самой поздней ночи, пока уже не станет клонить в сон прямо на улице. Эта ночь тоже не стала исключением, и Алахчит сидела возле своего гэра у костра на низкой скамье. Медвежья шкура сползла с ее плеч, потому что ночь, хоть и оказалась не теплой, не требовала еще и медвежьей шкуры - в теплом дэгэле возле огня ей было вполне комфортно. Хотя сон по-прежнему к ней не шел.

Она старалась думать о делах. Разведчики еще не вернулись, но прошло слишком мало времени. Лисы вовсю делали запасы на зиму уже сейчас. Ей нужно было придумать, где брать строительные материалы - камень и дерево - для построек в новой ставке, а думала она совершенно о другом. Алахчит подкинула в костер какую-то тоненькую веточку от кустарника, и поправила шубу на плечах, продолжая смотреть в огонь.

Санджар Хонгират Борджигин

Алахчит его не заметила. Даже не смотрела в его сторону. Санджар подошёл ближе к костру, пока не оказался на том расстоянии, на котором стоять и молчать было неприлично. Он не мог отпустить свои чувства к Алахчит, и не мог отпустить обиду. Он считал, что скажи она тогда просто, что он и сам знает, что сейчас не время для подобных разговоров, его бы это устроило. Он злился на себя и на неё и не знал, что будет дальше.

- Доброй ночи, Великий Хан, - произнёс Санджар.

Он уже почти не мёрз, и в дэгэле поверх рубашки не чувствовал ночной холод, находясь достаточно далеко от костра. Он стоял напротив Алахчит и видел её через переплетение огненных всполохов. На ней была тёплая медвежья шкура, которую подарили ей шахтеры-южане. В тот вечер они тоже были вдвоём у костра, но все казалось проще.

- Не помешаю? - спросил Санджар.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит погрузилась в свои мысли, неотрывно глядя в огонь, что заметила постороннего только когда он оказался в круге света, очерченного пылающим костром. И то, сначала прищурилась, потому что через пляшущее пламя не сразу смогла рассмотреть черты лица того, кто нарушил ее одиночество. Хотела бы она, чтобы это был кто-то из дозорных, которых теперь выставляли в два раза больше вокруг стоянки. Уже почти улегшаяся в ней обида на Санджара снова всколыхнулась с новой силой. Он не должен был заводить разговор об этих чувствах, не должен, и все тут, он обещал.

- Доброй ночи, Санджар-гуай, - ответила Алахчит, невольно натягивая повыше медвежью шубу и отводя взгляд, как будто ей было больно смотреть через пламя на мужчину. Отчасти так оно и было. Можно бы было сейчас горделиво вскинуть голову, встать и вернуться в свой гэр, ни говоря ни слова, но это было бы очень-очень глупо. Хоть она и была раздосадована последним их разговором, она была рада понимать, что ему намного лучше.

- Нет, я не занята ничем важным, - всего лишь обижаюсь и злюсь. Очень по-умному и по-взрослому. - Здесь достаточно места, - она вернулась взглядом к костру. Как только она стала Великим Ханом, всем от нее что-то нужно, и все хотят, чтобы она поступала так, как будет угодно им, а не ей.

Санджар Хонгират Борджигин

За эти дни у Санджара было много времени подумать о том, что он хотел сказать Алахчит. Что он ждал её, но у Великого хана много дел и некогда видаться с нойонами. Гордость не позволила бы сказать ему больше. Признать, что ему было важно её видеть. Что он хотел получить от неё хоть какой-то намёк на то, что ему есть на что надеяться в абстрактном будущем. Что ей не все равно, что в это время происходило с ним. Он понимал, что эту обиду усиливали боль и слабость, и в другой ситуации он отнёсся бы к этому иначе. Он сел у костра и стал смотреть на пламя. Ветер дул в его сторону, иначе как объяснить, что глаза щипало, будто от дыма.

- Мой вопрос так обидел тебя, что у тебя больше не было желания со мной встречаться? - прямо спросил Санджар.

Он был обижен. Он ждал, что она будет рядом. Он хотел чувствовать, что ей не безразличен. Но она четко дала понять, что готова пресечь любое общение, если ей не нравятся его вопросы. А он устал быть наедине с мыслями об их последнем разговоре.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит нахохлилась, как замерзшая птица, хотя ей было не холодно. Можно было догадаться, что разговор снова зайдет об их отношениях. За это время, когда нужно было думать о делах, Алахчит выматывала себя мыслями о последнем разговоре и том, что будет дальше. Несколько раз она одергивала себя от мысли все же навестить Санджара, но затем вспоминала, как закончилась их предыдущая встреча. И вместе плохо и порознь никак.

- У меня было много дел и я должна была подумать, - ответила Алахчит. Она не считала, что в чем-то виновата. Она не нарушила ни одного своего обещания. А что не давала Санджару то, что он хочет - это было проблемы его ожиданий, на нее возложенных, а не ее личные. - Но я ежедневно узнавала у Навчин-ханум о твоём состоянии.

Алахчит считала, что общение с человеком, которого хочешь считать другом, должно приносить обоим удовлетворение и силы, а не обиду и разочарование. Она устала от этих постоянных ожиданий и выяснений. Как будто их и без того было ей мало, почему бы не добавить еще немного? Вот поэтому она была против замужества, по меньшей мере именно сейчас.

- Один раз я уже пообещала, что скажу, если в моем отношении к тебе, Санджар-гуай, что-то изменится. Не нужно ждать от меня, что я буду твердить это постоянно.

Санджар Хонгират Борджигин

- Тебе бы докладывали о моем состоянии, даже если бы ты об этом не спрашивала, - ответил Санджар.

Он продолжал смотреть на огонь. Она была гордой и упрямой. И ставила эти упрямство и гордость выше всего остального. Как и он. И в какой-то момент за эти дни он с трудом проявил здравомыслие, отогнав от себя безумную идею сказать, что со следующей стоянки Хингираты пойдут своим путем, отдельно от Орды. Потому что для его племени это было шагом к смерти, хотя хорошо бы потешило его самолюбие. Санджар, в первую очередь, был ханом, который вел свой народ, и не должен был об этом забывать, какими бы ни были его отношения с Алахчит. Тем более когда в нем громче всего говорила обида.

- Что ты называешь дружбой, Великий Хан? - спросил Санджар. - Я слышал и запомнил не все, что ты говорила мне в степи, но не помню ни слова, которое могло быть сказано не только другу. Почему потом ты отказалась от этих слов?

Он посмотрел на Алахчит, дожидаясь её ответа.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит почувствовала себя уязвленной. Она могла бы не спрашивать вообще и не интересоваться, идет ли Санджар на поправку, как будто ей было мало переживаний в эти дни. Но ему, видимо, всего было мало, а следующей претензией будет, что она ханству уделяет больше внимания, чем ему? Алахчит бросила рассерженный взгляд на Санджара через огонь, но черты его лица все еще скрадывались пляшущим огнем. Может быть, даже к лучшему.

А она все еще злилась. И вместе с тем устало сгорбилась, прячась в свою медвежью шкуру. Если закрыть глаза, то даже может показаться, что ее обнимает кто-то большой, спокойный и сильный. Только почему-то представлялось, что ее обнимал человек, который сейчас на самом деле сидел напротив, через пламя костра. Кажется, что так близко, но протяни руку - и обожжешься.

- Что ты хочешь от меня услышать, Санджар-гуай? - спросила она. Она почти не спала эти дни, но вряд ли ему это интересно. Он лелеет свою обиду. - Что я испугалась, и потому говорила все, что придет в голову? Что боялась тебя потерять, и что в моих словах было не только то, что можно было сказать лишь другу? Что потом не хотела, чтобы разговор снова зашел о свадьбе, потому что мой ответ был бы по-прежнему "нет"?

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар покачал головой. Он чувствовал, что Алахчит его не понимала. Как и он не мог понять её. Он не понимал, где находилось расстояние, на котором они бы не обижались друг на друга, а она бы не боялась, что следующим вопросом он снова позовет её замуж.

- Да, что испугалась, да, что боялась меня потерять. Если это было честно, то что в этом плохого? - сказал Санджар. - Ты достаточно раз говорила мне, что твой ответ - нет. То, что меня ранили, ничего не меняет. Орде по-прежнему негде зимовать, и мы до сих пор не знаем весь путь на лето.

А теперь возник еще и вопрос безопасности, потому что на Великого Хана напал неизвестный, и никто не знал, что за противник сейчас угрожал Лисам.

- Всякий раз, говоря со мной, ты боишься, что я спрошу про свадьбу. И видишь во мне не союзника и не друга, а навязчивого поклонника. И мне обидно, что ты сказала о том, что я для тебя важен, только когда боялась, что я умру. И отказалась от своих слов, когда опасность была позади.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит слышался упрек в словах Санджара. Что все, что она делает, недостаточно, что она до сих пор не придумала, где и как Орде зимовать, и где должен пролегать путь летом. И это зависело от того, насколько подходящим окажется новое место, которое обнаружат разведчики. Это зависело от того, согласятся ли медведи отправить часть своих магов земли для помощи в

возведении каменных построек. О того, насколько будет засушливым лето и влажной - осень. От того, удастся ли найти того, кто стоит за нападением, чтобы это пресечь в будущем. От того, насколько активно будет вести себя Асака в степи, и будут ли Шакалы соблюдать союзное соглашение.

- Потому что каждый раз, когда говорю с тобой, между нами непременно возникает эта тема, - ответила Алахчит. - Меня душит это ожидание, но я не могу дать тебе того, что ты хочешь, а ждать, по всей видимости, для тебя не представляется возможным. Прости, что не сидела возле твоей постели все свое время, мне еще иногда нужно думать о том, где Орде зимовать, и придумать, где будет проходить летний путь, а все, что в моих мыслях - это страх за тебя и острая необходимость этой свадьбы, чтобы просто быть вместе.

Она почти повысила голос. Они не понимали друг друга, Алахчит злилась, а он продолжал обижаться. Она замолчала и угрюмо уставилась в костер.

- И я искренне надеюсь, Санджар-гуай, что, не приведи небеса, конечно, но когда на твоих руках будет умирать кто-то, кто тебе дорог, ты сможешь найти более подходящие на твой взгляд слова для такого момента, потому что я, увы, не смогла их найти, - добавила она уже спокойнее, признавая свое поражение.

Санджар Хонгират Борджигин

- Ты слышишь не то, что я говорю, - ответил Санджар. - Я говорю, что не собирался спрашивать о свадьбе, потому что понимаю, что твой ответ - нет, ты говоришь, что я не могу ждать. И для меня очень важны те слова, которые ты говорила утром.

Они будто говорили на разных языках, и он с трудом слышал то, что объясняла Алахчит. Она злилась. Он тоже. Настолько, что не сразу услышал то, что было для него на самом деле важно. Понял, что злость и обида не давали ему слышать не то, что говорил он сам. Санджар поднял взгляд на Алахчит, цепляясь за те её слова, которые успел понять.

- Кому так остро необходима свадьба, чтобы просто быть вместе? - переспросил он.

Он не допускал мысли о том, что их отношения могли быть иными, потому что он считал, что Алахчит вряд ли согласилась бы на что-то менее серьезное, чем официальная свадьба. Лисы были однолюбам, им было непросто находить общий язык, но те, кто с этим справлялся, обычно не искал новых приключений.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит уже склонялась к мысли, что еще немного - и она просто вернется в свой гэр, чтобы прекратить этот разговор, на каком бы этапе он ни находился. Потому что все становилось только в стократ хуже. Она совсем потерялась в обвинениях Санджара, к которым добавилось еще и то, что она слышит не то, что он говорит, а якобы то, что хочется ей самой, но Алахчит была уверена в том, что слышала осуждение за невозможность грамотно и достойно управлять Ордой, чтобы решение у нее находилось на раз-два, а все вокруг были бы довольны и процветали.

- Так тебе же, - ответила Алахчит. - Иначе к чему все эти разговоры о сватовстве,

женитьбе?

Она с трудом сближалась с Санджаром, потому что не хотела замуж. Она не была уверена в своих чувствах, хотела точно убедиться, что встретила того, с кем захочет остаться навсегда, но не понимала, как можно согласиться на свадьбу с человеком, которого толком не знаешь, и все общение сводится к нескольким разговорам и встречам в основном на военных советах и среди толпы народа. И боялась, что он будет занимать слишком много ее мыслей, но чем сильнее избегала, тем больше о нем думала. А надо бы думать совсем о другом.

- Разве ты не ясно дал понять, что для тебя это важно?

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар с трудом сдержал усмешку, чтобы не обидеть Алахчит. Он опустил взгляд, пока собирался с мыслями, затем поправил на плече дэгэл, который сползал из-за того, что правая рука была на перевязи.

- Я думал, что это важно тебе. И что сейчас ты не готова к отношениям, а не к свадьбе, - ответил Санджар.

Забрезжил свет в конце тоннеля. Ему было сложно понять и принять то, о чем говорила Алахчит. Лисы не очень строго следили за нравами друг друга, если все со стороны укладывалось в пределы приличия. Осудили бы слишком открытые отношения до брака, особенно если бы речь шла о явных изменах, но в остальном не стали бы обращать внимания.

Иногда бывает полезным говорить и слушать. Хотя бы для того, чтобы понять, что слышал все не то. Санджар удобнее уселся у костра. Плечо ныло, но к этому он почти привык. Сложно было ночью, когда оно мешало лечь так, как удобно, и от этого было много времени на мысли.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит едва не фыркнула.

- Можно было бы спросить меня об этом прямо, - несколько ворчливо сказала девушка. - Нельзя выходить замуж за того, с кем не связывают вообще никакие отношения, - добавила она. - Нескольких встреч для меня недостаточно для того, чтобы хорошо узнать человека и быть уверенным в том, что он тот, кто нужен, чтобы провести с ним всю жизнь.

Она хотела, чтобы все было по любви, когда больше никого другого на его месте не представляешь. Когда он все - чем ты живешь и дышишь, когда без него кажется, что весь белый свет становится не мил. Но Алахчит также и знала, что есть любовь, а есть влюбленность, и пока не умела их различать. Наверное, эту разницу может показать только время.

Она помолчала, глядя то куда-то в сторону, то на костер, затем коротко взглянула на Санджар-гуая по ту сторону огня. Она все еще злилась. Потому что была в его глазах виноватой, не имея за собой никакой вины. Она ведь потому и старалась не

давать никаких надежд, потому что не была уверена, что когда-нибудь ответит согласием на это набившее ей оскомину предложение.

- Болит?

Санджар Хонгират Борджигин

- Ты именно об этом говорила, когда сказала, что не уверена, не изменятся ли твои чувства? - спросил Санджар, глядя на девушку.

Так он бы долго мог ждать, когда она скажет, если что-то поменяется. Да, его вина в этом была, что он сам додумал и не спросил прямо. И было неприятно это признавать.

- Болит, - он кивнул. - Но уже меньше.

Он поддержал локоть правой руки ладонью левой. Вечером боль становилась сильнее. Но если от её отвлекаться, иногда о ней удавалось забыть. Санджар старался меньше звать лекарей, потому что они снимали боль ненадолго. Да и знахарка все больше присылала своих учениц, которые больше думали о том, как мелькать у него перед глазами почаще. Еще накануне он сказал, что ему не нужна помощь зайчих, потому что они стали слишком часто показываться в его гэре без явной необходимости.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит, немного помедлив, кивнула в ответ на вопрос, надеясь, что ее было видно за пламенем костра, от которого шло согревающее тепло. Что бы ни происходило в мире, это пламя будет гореть, и у этого пламени каждый сможет сказать то, что думает. Так было заведено при ее отце, и Алахчит считала, что должна продолжить эту традицию. В память о нем.

- Я почти тебя не знаю, - призналась она. - И если мы начнем узнавать друг друга после свадьбы, не будем ли мы со временем считать ее самой большой ошибкой в своей жизни, когда поймем, что не можем быть вместе. Что это вовсе не любовь, как может показаться, а просто...чувство?

Она же должна испытывать что-то особенное, чтобы понять, что Санджар-гуай - тот самый Лис, который ей нужен и с которым она хочет быть. Алахчит была бы не против проводить с ним вечера, разговаривать у костра обо всем на свете, прогуливаться возле озера верхом наедине, но не когда на горизонте маячила необходимость дать ему какой-то окончательный ответ. Либо согласиться, а потом страдать от того, что слишком поспешила, либо отказать навсегда, и корить себя за то, что не попыталась даже узнать его получше.

- Позвать лекаря? - предложила она, услышав, что плечо по-прежнему болит.

Санджар Хонгират Борджигин

- Нет, не нужно, - ответил Санджар. - Не уходи.

Ему было сложно разглядеть лицо Алахчит за всполохами костра. Но он чувствовал, что они наконец-то начали друг друга понимать. И был благодарен этому вечеру за эту возможность. Обида отступала, как только он начал слушать, не оставаясь наедине с собственными мыслями.

- Что нам мешает узнавать друг друга сейчас? - спросил Санджар. - Мне кажется, сегодня я узнал больше, чем за все время до этого.

Он поднялся со своего места и пересел ближе к Алахчит. Так, чтобы видеть её не через пламя костра, но достаточно далеко, чтобы её не касаться. Боль в плече была терпимой. Он с ней смирился, и сейчас вышел на ту стадию восстановления после раны, когда замечал, что с каждым днем к нему возвращается больше некогда привычных возможностей. Хотя все еще не знал, как удобно лечь спать, чтобы не бесила невозможность лежать на правом боку.

Алахчит Алтан Борджигин

Она промолчала, не став настаивать. Зайчихи были хорошими целительницами, но в их картине мира женщина существовала только будучи рядом с мужчиной. И Алахчит невольно стала свидетельницей разговора между Навчин и Заирой, где первая убедительно втолковывала своей молодой ученице почаще мелькать перед глазами хана, глядишь, и обратит на нее внимание. Алахчит была вынуждена признать, что посмотреть там было на что, до сих пор не могла отделаться от мысли, что на фоне Заиры выглядит как худенький угловатый подросток, как бы ни старалась гордо разворачивать плечи.

Санджар пересел ближе. И сейчас, когда злость и обида, всколыхнувшиеся было с его приходом, уже успокаивались, она снова чувствовала, как торопливо бьется сердце. Тут же подумала, что уже поздно и пора возвращаться в гэр, но это выглядело бы как трусливое бегство после того, как она сама сочла возможными отношения между ними. Она вдруг растеряла все свои слова и не знала, о чем говорить.

- Что ты узнал? - все же просила она, потому что это было лучше, чем ничего, а она хотела послушать, какой ее видят другие люди, когда она совсем не похожа на Великого Хана.

Санджар Хонгират Борджигин

- Что ты способна злиться. И что я неправильно тебя понимал, - сказал Санджар. - Я ждал, что ты снова придешь, а ты злилась, что я снова спрошу о свадьбе.

Он внимательно смотрел на Алахчит. На то, как отблески костра отбрасывали тени на её лице и отражались в её темных глазах.

- Чего хочешь ты? - спросил Санджар, глядя на неё.

Сейчас он подумал о том, что ей было сложно. Потому что она была Великим Ханом Орды, у которой не было толком ничего. Юная девушка, которая могла чуть больше, чем другие ханы. Но которой тоже было сложно и страшно. Которой нужно было знать, куда идти дальше. Он помнил, как не по себе ему самому было стать ханом.

После предательства и смерти отца, после того, как племена объединились в Орду. Когда он понял, что от его решений зависели люди. А Алахчит было сложнее. И одной из причин, почему он отдал свой голос ей, был то, что он боялся этой ответственности. А она её приняла.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит хотела еще добавить, что она не только может злиться, но и обижаться не хуже ребенка, которому обещали, но не выполнили в силу каких-то внешних обстоятельств, которые он не хочет и не готов принимать, потому что для него они несущественны. Но она была старше, пусть не так сильно, а, значит, должна была быть умнее и мудрее. А это у нее совсем не получалось.

Она задумалась, но не смогла сразу придумать, что ответить, потому что не ожидала подобного вопроса. Да и уже много времени почти не думала о том, что хочется ей, скорее о том, что будет правильнее для Лис и какая от всего этого будет польза не для нее, а для кланов.

- Чтобы разведчики поскорее вернулись с добрыми новостями, и Орда отправилась на новое место, - наконец сказала она. Сейчас это составляло ее самое сокровенное желание, потому что от этого зависело будущее Орды. Ей казалось, что окажись они на новом месте, все как-то сразу поменяется, станет даже в чем-то лучше. Будет ясно, куда двигаться дальше, в каком направлении развиваться, чтобы убрать все слабые стороны и укрепиться в степи. Может, она и правда делает недостаточно для кланов, и нужно сосредоточиться на озвученных Санджаром проблемах.

Санджар Хонгират Борджигин

Последнее, о чем Санджар сейчас хотел слышать - это дела Орды. Алахчит и так была занята ими круглосуточно. Но он был уверен, что девушка ответила честно. И говорила о том, чем на самом деле сейчас были заняты её мысли.

- Я тоже на это надеюсь, - ответил Санджар.

Он отвернулся и стал смотреть на то, как пламя стелилось по догоравшим дровам. От него шел жар, который позволил забыть о приставучем ознобе последних дней.

- Чего ты ждешь сейчас от меня? - он снова посмотрел на Алахчит.

Она боялась того, что он снова будет звать её замуж, но они выяснили, что никому из них это не было нужно. Они были обижены друг на друга, но, вроде, начали друг друга понимать. И сейчас Санджар не представлял, чего именно Алахчит дальше ждала от него. И не знал, на что надеяться, и насколько стоило надеяться в принципе.

Алахчит Алтан Борджигин

Она думала, что не ожидала предыдущего вопроса, но следующий заставил ее только удивленно выпрямиться и приподнять брови. Алахчит вопросительно посмотрела на Санджара, словно надеясь, что он пояснит, что он имеет в виду,

потому что вопрос застал ее врасплох.

Он был ранен, его одолевала боль в плече, а Алахчит все еще неловко чувствовала себя рядом с Санджаром в том числе потому, что сердце колотилось в груди, как загнанная в клетку птица. Это ощущение было приятным, но она не ждала, что можно сделать что-то еще. Она и так сидела возле яркого и теплого костра, неподалеку от мужчины, к которому что-то испытывала. Зачем делать лучше что-то, что уже и так хорошо?

- Ничего, - сказала она, поправляя сползающую с плеч тяжелую медвежью шкуру. В ней она чувствовала себя даже в какой-то степени в безопасности. Она не боялась Санджара, просто...в шубе было все же как-то уютнее и спокойнее. - А что мне стоит от тебя ждать?

Только опять не предложения замужества, пожалуйста, потому что еще одного такого разговора она точно не выдержит.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар кивнул и задумался. Он понял, что Алахчит не хотела, чтобы он был навязчивым. И что она боялась его попыток снова позвать её замуж в ответ на любое проявление внимания. Хотя оба вроде договорились, что свадьба им не была важна.

- Я хочу, чтобы у тебя была возможность узнать меня лучше, но я не знаю, что ты не сочтешь навязчивостью, - ответил Санджар.

Алахчит куталась в тёплую шкуру, хотя у костра не было холодно. Она будто хотела от него спрятаться. Он задержал взгляд на её губах чуть дольше, чем было бы прилично, и почувствовал, будто догоравший костёр стал жарче. Кого он обманывал, когда говорил, что обижен на то, что Алахчит не видит в нем друга? Он надеялся, что она даст понять, что чувствует к нему нечто большее, а не только скажет, если вдруг передумала со своей симпатией.

Он был одержим. Когда несколько дней он не занимался делами, и было слишком много времени на одни и те же мысли, они были заняты Алахчит почти все время. И сейчас для Санджара было неудивительно, что он нашёл повод обидеться, потому что её не видел.

Алахчит Алтан Борджигин

- Я думаю, будет достаточно просто не заводить разговор о свадьбе, - поразмыслив, ответила Алахчит. Навязчивостью для нее казалось все, что продолжали делать после ее просьбы прекратить. И для нее было достаточно, если тему закрывали, когда она считала ее закрытой или исчерпанной. - Если для меня что-то будет неприятно, я скажу об этом.

Алахчит не боялась говорить правду, когда считала это необходимым. Потому что лучше так, чем умалчивать и пытаться обойти острые углы. Это не политика, где нужно быть крайне осторожной. Ей просто хотелось быть собой, чтобы в ней видели не Великого Хана, а просто Алахчит, какой она была до всего этого. Но сейчас она

не могла понять, где кончается ее роль Хана и начинается роль просто обычной женщины, чтобы переступить это разделение и вела себя скорее как Хан.

От его взгляда бежали мурашки, так что в шубе становилось нестерпимо жарко. Алахчит оставила шубу и придвинулась ближе к Санджару. Подняла руки и захватила тонкую прядь его волос на виске, начав заплетать косу.

- Мне было неприятно понимать, что Заира все это время была возле тебя. Хотя она и хорошая целительница.

Санджар Хонгират Борджигин

Санждар улыбнулся, когда Алахчит пересела ближе к нему. Его устроил её ответ, ему казалось, что после этого разговора они начнут понимать друг друга чуть больше. Его удивило, что она честно сказала о зайчихе, которая помогала ему в эти дни. Алахчит ревновала и призналась в этом прямо.

- Я велел ей больше не приходить, - ответил Санджар. - Я благодарен ей за помощь, но Навчин-ханум слишком хочет её сосватать.

Заира была довольно яркой девушкой, но Санджар был не дурак, чтобы не видеть, что она каждый день наряжалась и красилась перед тем, как прийти к нему. Женщины Лис наряжались на праздники, но ему было довольно сложно представить, чтобы кто-то румянил щеки и надевал красивые наряды перед тем, как перевязывать раненого.

К тому же Заира видела в нем хана богатого племени. Она болтала почти всё время. О том, что ханом, наверное, быть сложно, о том, что его кузен раскомандовался в эти дни в племени. Санджар уставал от её внимания и болтовни с нетерпением ждал, когда сможет обходиться без её помощи. Благо плечо - не нога, и он смог ходить почти сразу как немного унялось головокружение.

Алахчит Алтан Борджигин

У Санджара были длинные гладкие волосы, которые наверняка мешались ему, если их не убирать. Многие кочевники носили длинные волосы, заплетая их в косы или собирая в длинные хвосты, и для Алахчит это было привычно. Некоторые считали, что в волосах, как в лошадиной гриве, кроется сила, которой можно лишиться, если их обрезать. Конечно, это было всего лишь поверьем, но Алахчит нравилось перебирать темные длинные пряди, превращая их в тонкую косу.

- Их обычаи отличаются от наших, - заметила она, - женщины хотят поскорее выйти замуж. Они думают, что без мужчины женщина ни на что не способна. Только врачевать, рожать детей и вести хозяйство.

Для Лисиц навязывать другим свое мнение было недопустимо. Если женщина не хотела выходить замуж, а хотела учиться обращаться с оружием и участвовала в боях наравне с мужчинами, никто не начинал говорить ей, что это не женское дело. Но никто и не препятствовал тому, что женщина отказывалась владеть оружием и посвящала всю себя семье и быту. Все от этого только выигрывали, потому что каждый занимался тем, что ему было интересно.

Санджар Хонгират Борджигин

У Санджара по спине бежали мурашки от того, как пальцы Алахчит заплетали его волосы. От этого было сложно сосредоточиться на разговоре. Сейчас, когда он не мог причесываться сам одной рукой, он ходил довольно растрепанным: степные ветры мгновенно путали волосы, которые не были собраны. А обрезать их, когда мешаются, было плохой приметой, и стоило просто потерпеть несколько дней, когда правая рука начнет слушаться не хуже левой.

- Они слишком доверяют своим мужчинам, - сказал Санджар. - Но те оказались неспособны защитить их от шакалов.

И сейчас многие зайчихи уехали с Лисами как знахарки для того, чтобы найти покровителей среди Лис. Только вот схватки с шакалами оставили не так много лисов живыми, а еще меньше из них искал и себе жен среди чужого племени. Санджар был не единственным, кто не мог понять, что хорошего в отношениях с человеком, который видит в тебе покупателя, а в себе - товар.

- Я сейчас не могу сам собрать волосы, и они путаются, - признался Санджар, усмехнувшись, и снова взглянул на руки Алахчит.

Алахчит Алтан Борджигин

- Если они не воевали веками, они не начнут воевать сейчас, - Алахчит пожал плечами. Зайцы жили скрытно, малочисленно и в таких дебрях лесов и степей, что их непросто было обнаружить. Им было проще попрятаться в норы и пересидеть нападение в надежде, что их не выкурят, чем защищаться открыто. Алахчит не понимала такого образа жизни, ведь так каждое нападение разбойников может оказаться для деревни зайцев фатальным. Лисы старались не ввязываться в открытые военные конфликты, но могли дать отпор даже когда численно противник значительно их превосходил.

Алахчит перетянула тонкую косу, которая захватывала волосы над виском и немного лбом - там, где чаще лезло в лицо - тонким шелковым шнурком, оставив длинные концы и пересела по другую сторону, чтобы заплести вторую косу.

- Я всегда заплетала волосы отцу и брату, - сказала Алахчит. - А в детстве залезала на колени к дядьке Оронару и пыталась заплести ему усы. Он всегда, сколько я себя помню, носил их такими длинными. Конечно, у меня ничего не получалось.

Хоть они и были длинными, но не настолько, чтобы можно было их во что-то заплести. Она обычно их просто путала, он ворчал, а она, хохоча, убегала прятаться за отца.

Санджар Хонгират Борджигин

- Спасибо, - сказал Санджар, когда Алахчит закрепила косу и пересела плести вторую.

От того, что она была так близко, было жарко, и лишь ночная темнота скрывала

румянец на щеках Санджара. Он вспомнил, как Алахчит поила его водой в первый вечер, и понял, что был несправедлив. И в то же время подумал, что она не так просто отослала зайчиху.

- Я плохо знал Хубилай-хаана и практически не знал Сорхоншара, - сказал Санджар.
- Но слышал, что они были людьми достойными. Мне жаль, что их время уйти наступило так рано.

Получалось, что кроме дядьки у неё и не осталось никого из близких. А Оронар-гуай не был похож на человека, которому можно излить душу. Яшви Угдан мало времени проводила в Монголии, будучи непальской принцессой.

- Мне кажется ты - единственная Лиса, которая не боится Оронара-гуая, - добавил Санджар. - Когда я был мальчишкой, и ханы собирались на совет, мы боялись сунуться к шатру, который он охранял. Говорили, он может выбить дух одним подзатыльником.

Алахчит Алтан Борджигин

Сейчас Алахчит понимала, что расстояние между ней и Санджаром постепенно тает - не в плане физическом, ведь она и так сидела достаточно рядом - а что ей становилось все свободнее и спокойнее рядом с ним. Уже и медвежья шкура была не нужна. Раньше Алахчит боялась касаться Санджара, чтобы не давать ему надежды и повода снова заговорить о женитьбе.

- Я стараюсь думать, что жизнь мудрее, чем мы. И если судьба складывается так, как она сложилась - то так правильно. Но сейчас я сижу, что многое из того, что делали они, я бы сделала по-другому, - ответила она. Алахчит скучала по ним и многое бы отдала за то, чтобы они были живы, но понимала, что это невозможно, и нужно двигаться дальше.

- И до сих пор может, - рассмеялась Алахчит, быстро перебирая пальцами, так что из под ее рук уже выходила тугая тонкая коса. - У него не было дочерей, а сыновья уже выросли. Но иногда мне кажется, что целой Орде мало одного Оронар-гуая, нужно еще три, а лучше четыре. Я бы не справилась со всем одна.

Она закрепила косу шнурком, точь-в-точь его собрат на другой косе, и немного отодвинулась на лавке, глядя в огонь, который и не думал униматься. А ночь снова была звездной, только луна светила тоненьким серпом.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар подумал о том, что ничего не слышал о сыновьях Оронар-гуая, хотя наверняка виделся с ними не раз. Не были они такими, как их отец, раз о них не говорила вся Орда. Такие, как дядька Алахчит, редко рождаются и каждый на вес золота. Санджар откинул за спину остальные волосы, но ему было уже намного удобнее, что не лезли в лицо те, что Алахчит собрала в косы.

- Нам многих не хватает, - сказал Санджар. - Но если мы в свое время все сделаем как должно, тем, кто придет следом, будет проще.

Их задачей было объединить Орду и основать город, где можно оставаться на зиму. И они должны были справиться теми силами, которые были сейчас, когда не хватало многих. И Оронар-гуай был только один. Санджар взял Алахчит за руку, затем коснулся её руки губами.

Он ждал, как она к этому отнесется. Такая вольность могла её разозлить, но она сама сказала, что скажет, если её что-то не будет устраивать.

Алахчит Алтан Борджигин

Орда и правда переживала не лучшие времена. многие погибли во время схватки с Шакалами, много сильных взрослых мужчин и женщин, оставив тех, кто еще не мог держать оружие или уже не мог это делать, а также тех, кто выбрал свой путь совсем иным. Орде не хватало людей молодых, которые могли бы строить дома, пасти скот и лошадей, выполнять львиную долю всей тяжелой работы и обеспечивать все племена. Со стариков и детей какой может быть спрос.

Сейчас вся надежда была только на хорошие новости от разведчиков, но их не стоило ждать день ото дня. Поиск подходящего места требует времени, чтобы он отвечал всем требованиям большой Орды, поэтому Алахчит ожидала их не раньше, чем через месяц. Монголия - не маленькая страна, а степь - не проторенная дорога.

Алахчит смутилась, когда Санджар взял ее за руку, и смутилась еще сильнее, когда он на этом не остановился. Но она не отдернулась ладонь, только зарделась от удовольствия и, безуспешно пытаясь спрятать улыбку и взгляд, чуть отвернулась в сторону, потому что ей вдруг захотелось как-то глупо захихикать от стеснения.

Санджар Хонгират Борджигин

Алахчит смутилась, но возражать не стала. Санджар улыбнулся, стараясь поймать её взгляд, который она сейчас тщательно скрывала. Он оставил её руку в своей руке и придвинулся чуть ближе, хотя больше никаких вольностей себе пока не позволял. Свет костра менял черты лица, делая их ярче и более выразительными. То, на что не решаешься днем, становится проще ночью, которая скрывает темным покрывалом то, что не должно касаться лишних глаз и ушей.

- Все в порядке? - спросил Санджар.

Последнее, что он хотел - это пугать Алахчит. Он был рад тому, что сегодняшний разговор дал ему много надежд на то, что их отношения с Алахчит могли стать намного ближе, но все равно он понимал, что не стоило наглеть и торопиться. Он должен был понять, что сейчас Алахчит считала возможным, какая дистанция была удобна ей, чтобы она могла его лучше узнать, а не злилась из-за его надоедливости.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит коротко взглянула на Санджара, но ей было проще смотреть на огонь, от которого обжигало даже не так сильно, как от ощущения мужского взгляда. А ведь она совсем не считала себя робкой или стыдливой, наоборот, ей нравилось смотреть, как смущаются другие. Но, по всему выходило, что одно дело - смущать тех, кто тебе все равно что безразличен, и другое - смущаться от прикосновений и

взглядов того, кто тебе близок.

Она кивнула. Было немного странно, но не страшно или неприятно, просто странно. Отец всегда говорил ей, что она влюбчивая, а потому должна всегда думать о том, что делает, чтобы не было каких-нибудь неприятностей, но ни с кем из тех, кто был ей симпатичен раньше, она не сближалась настолько, как с Санджаром. Обычно она просто улыбалась и шутила издалека, кокетничала и стреляла глазками, а потом, когда юноша заливался краской, теряла к нему интерес. А сейчас ей так делать вовсе не хотелось. Ничего из того, что она привыкла делать.

Вместо этого Алахчит осторожно положила голову на здоровое плечо Санджару и замерла, почти не дыша, от того, как приятно было вот так просто сидеть.

- Все хорошо, - ответила она и помолчала. - Мы, наверное, одни во всей Орде не спим.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар осторожно обнял Алахчит, стараясь не шевелить перевязанным плечом, и коснулся щекой волос девушки. Как долго он мечтал о возможности обнять, и как странно для него было то, что для этого нужно было не говорить с Алахчит о том, что он готов жениться на ней в любой момент, а сказать ей, что ему как раз не было до свадьбы никакого дела. Он снова улыбнулся.

- Наверное, - согласился он.

Ранним утром в Орде было много дел, но Великий Хан могла проспать, а он если не отоспался, то належа на постели на год вперед и сейчас спать не хотел. Санджар чуть крепче обнял Алахчит и коснулся губами её волос. Он был счастлив оттого, что она была рядом. Все его обиды, вся злость, столь старательно лелеемые в эти дни, растаяли как иней с лучами утреннего солнца. Потому что в конечном счете он просто хотел, чтобы Алахчит была рядом. И винить мог лишь ожидания, которые не оправдались раньше. Он не хотел загадывать, что будет дальше, ему было хорошо сейчас.

- Но я рад сейчас не спать, - сказал Санджар.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит прислушалась к тишине вокруг. Конечно, не спали еще и дозорные, которых выставляли на каждую ночь после того нападения. Лисы неохотно содержали собак и почти совсем не держали кошек, но на стоянке было много и другой живности, которая заполняла тишину различными звуками даже ночью. Да и сама степь не отставала от человеческого жилья. Где-то перекрикивались монгольские тарбаганы, толстые и сытные, и Алахчит сразу вспомнила прошлое полнолуние, за которое ей все еще было стыдно, что она никак не хотела поднимать эту ночь в разговоре.

Оказаться в объятиях Санджар-гуая в реальности оказалось даже намного лучше, чем она могла себе навоображать в те длинные ночи, когда не могла уснуть, одновременно злясь на него и представляя, как он ее обнимает, что все обиды сразу уходят.

- Завтра я собираю утром всех ханов. Буду говорить и зевать, потому что ужасно не высплусь, - с улыбкой ответила Алахчит, зажмуриваясь от восторга. - И кто-нибудь из них опять будет ворчать себе под нос, думая, что я не услышу.

Иногда старые ханы ее забавляли, потому что были упрямее всех самых упрямых мулов. Алахчит почти научилась не обращать внимания на их ворчание, главное, чтобы они ее поддерживали.

Санджар Хонгират Борджигин

Он понимал, что ему ничего не будет, если эту встречу он пропустит. Он до этого вечера практически не выходил из своего гэра из-за раны, и об этом знала, пожалуй, вся орда. Потому что именно после этого нападения Лисам стало запрещено выходить в степь поодиночке и без крайней необходимости.

- Старцы думают, что все такие же глухие, как они сами, - ответил Санджар.

Звериный облик позволял лисам лучше слышать и лучше видеть в темноте. Но с возрастом и у людей, и у зверей портились зрение, слух и нюх. К тому же старейшие из ханов считали, что разбираются во многих вопросах лучше, чем молодая Алахчит, хотя формально не посмели бы её послушаться. Все понимали, что Орду можно создать только подчиняясь общим порядкам.

- Я очень постараюсь завтра не проспать, - пообещал Санджар и улыбнулся.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит хихикнула. Обычно она не позволяла себе так говорить о старейших членах Орды, потому что уважала их возраст, опыт и пройденный жизненный путь, но иногда сдерживаться было совершенно невозможно. Если бы не их печально известное упрямство, было бы намного проще с ними договариваться, потому что так Алахчит приходилось затем разговаривать с каждым наедине, чтобы убедить, что предложенный ей вариант стоит не сразу сбрасывать со счетов, а хотя бы рассмотреть, и это отнимало очень много времени и сил. Пока каждый из них считал, что она должна бежать к ним на поклон, чтобы получить их поддержку.

Можно бы было назначить новых ханов из числа наследников в каждом племени, заручившись их поддержкой, но Алахчит не могла на такую подлость пойти, даже если старейшему из ханов было уже за восемьдесят, и он давно не садился на коня, и во всем полагался на своего старшего сына, который почти что принял на себя ханство вместо отца. Но решение принимал все равно старый хан, а не его сын.

- Тебе нужно больше отдыхать, - велела Алахчит. - Чтобы быстрее восстановиться. Я хочу всего лишь обсудить с ними необходимость еще одной делегации к Медведям. Будет неплохо, если они согласятся отправить нескольких магов Земли к новой ставке, чтобы помочь со строительством домов.

Санджар Хонгират Борджигин

- Я отдыхаю все эти дни, - ответил Санджар. - Но послушаюсь твоего приказа и буду

завтра отсыпаться за двоих.

Его не обижало, что ханы соберутся на совет без него. Он уже понимал, какое решение хочет принять Алахчит и был с ней согласен, хотя не знал, какую плату потребуют медведи за такую услугу. Им было выгодно сотрудничать с Лисами: без этого они не могли торговать с внешним миром.

- Было бы здорово, если Медведи окажутся в ставке одновременно с твоей Угдан и её супругом, - сказал Санджар. - Тогда горцы потребуют меньшую плату за свою работу, потому что смогут заключить выгодную для всех сделку.

Он считал, что грех не пользоваться такими связями, когда нужно заработать на строительство целого города. Принц Кобр был сильным союзником, и по решениям, которые он принимал в Монголии, было видно, что он мыслил интересами Лис, а не своего клана. Он мог предложить условия торговли, которые позволят хорошо заработать.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит, как и большинство кочевников, привыкла рано ложиться спать и рано вставать, почти с рассветом. Раньше это было обусловлено необходимостью готовить свежий чай и завтрак отцу и брату, но сейчас этим занималась Цэрэн, а привычка все равно осталась. Да и проще дела переделать утром, хотя ей и нужно было несколько минут полежать и понежиться в кровати прежде чем вставать. Утром нет такой жары, которая опускается на степь в полдень, а спадать она начинает только ближе к вечеру.

- Я жду, что они приедут летом, но это зависит от того, насколько они заняты будут в Непале, - ответила Алахчит. Садхир-джи всегда помогал клану. Алахчит не питала иллюзий, потому что понимала - он делает это из-за Яшви, но печальное положение Лис не позволяло ей просто сочувственно повздыхать над тяжелой судьбой Орды. Она старалась пользоваться любыми возможностями, чтобы извлечь из них выгоду, если это не переходило нормы морали и взаимоотношений.

Яшви делилась с ней подозрениями, что семье принца не нравится, что они так много времени проводят в Монголии. И Алахчит опасалась, что этим летом поездка может сорваться, ведь они только недавно покинули Орду, чтобы вернуться обратно в резиденцию.

- Я написала Садхиру-джи, но пока не получила ответа. Нам нужно будет задуматься о более совершенных средствах связи между кланами.

Санджар Хонгират Борджигин

В городах были телефоны, мобильная связь и интернет. В степи со связью были проблемы. У богатых кочевых народов были автомобили, генераторы электричества и усилители связи, Лисы пока могли обо всем этом только мечтать. Санджару казалось, что проще построить город с нуля, чем обеспечить Орду электричеством и связью в степи. Но он понимал, что со временем эти вопросы стоило решить.

- Для связи нужно электричество. Для него нужен другой транспорт. Но я согласен,

что нужно искать решения, - сказал Санджар. - Сначала электричество будет нужно в городе, потом уже в степи. И связь тоже.

Это было дешевле и быстрее. И зимой, когда дороги занесены снегом, связь необходима, чтобы вовремя обратиться за помощью. Да и со светом зимовать и топить дома проще. На зимних стоянках большинства племен утром, чтобы умыться, порой нужно было разбить в умывальнике ледяную корку. Лисы привыкли к такой жизни, но не стоило тратить силы там, где существовали более удобные решения.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит прикрыла глаза. Ей не очень хотелось говорить о делах, но при таком их количестве просто невозможно их игнорировать - какие-нибудь заботы все равно вылезут, хочешь ты этого или нет. И это только подтверждало, что перед ней - не паханное поле проблем, которые нужно решить в довесок к тем, над которыми она уже думает сейчас. Иногда у нее голова шла кругом, почти вот как сейчас. Или сейчас она идет кругом вовсе не от дел, а от того, что Санджар ее обнимает?

- Ох, не хочу снова говорить о делах, - призналась она, пряча лицо на плече мужчины.

Казалось, она никогда ничего не разгребет, потому что как только решалось что-то одно, на этом месте появлялось нерешенное что-то другое. И Алахчит было немного страшно от того, в каком количестве нужно что сделать из задуманного, чтобы Орда приобрела такой вид, какой был в ее мечтах. Чтобы сильная, самостоятельная, обеспеченная. Чтобы прыгнуть из Средних веков в новое время, чтобы зимы не представляли уже такой сложности, как раньше. Чтобы не приходилось думать, где взять средства на зимовку и сколько придется продать лошадей, чтобы всех прокормить.

- Нужно идти спать, - заметила она, но ей ужасно не хотелось уходить.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар не стал говорить, что Алахчит первой начала разговор о делах. Она имела право отдохнуть от мыслей об Орде, особенно сейчас. Он провел рукой по её плечу, затем склонился к Алахчит и коснулся губами её скулы.

- Не думай о делах, тебе нужно от них отдыхать, - сказал он.

Хотелось еще долго так сидеть, но Алахчит нужно было проснуться к встрече с ханами, это он мог спать, сколько захочется. И было эгоистично настаивать на том, чтобы она задержалась у догорающего костра, в котором тлели остывающие угли, красневшие от порывов ветра.

- Нужно идти спать, - согласился Санджар. - Мы увидимся завтра? - спросил он.

Он был бы рад проводить с Алахчит каждый вечер, когда засыпала Орда, но понимал, что Вселенная не дарила им это время дополнительно, и они забирали его у сна, необходимого Алахчит, чтобы работать днём.

Алахчит Алтан Борджигин

Было сложно заставить себя отстраниться и уйти, и она замешкалась, когда почувствовала поцелуй на своей щеке. Алахчит почти не представляла себе, как будут развиваться их отношения, потому что свыклась с мыслью, что они будут возможны только после свадьбы, а раз свадьбы в ближайшее время не будет, то и смысл что-то себе сильно придумывать? А потом она слишком сильно злилась, чтобы об этом думать, запрещала себе и старалась заниматься делами, а не всякой ерундой, как ее окрестила сама для себя.

Она вспыхнула от смущения, зарделась и снова спрятала лицо, потому что пока не поняла, как к этому относиться. Это было приятно, но неожиданно. И Алахчит, которой все никак не удавалось спрятать улыбку, что расплзалась сама собой против ее воли от удовольствия, зацепилась за согласие Санджара, что нужно идти спать, иначе утром она с трудом заставит себя проснуться.

- Увидимся. Обязательно увидимся, - пообещала Алахчит. Она отстранилась и встала со скамьи. - Завтра вечером, у костра, - она пока не готова была заявлять об этих отношениях открыто.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар посмотрел на Алахчит, когда та встала со своего места. Он поднял лежавшую рядом медвежью шкуру и одной рукой помог девушке накинуть её обратно на плечи. Уже было холодно.

- Спокойной ночи, Алахчит, - сказал он. - До завтра.

Он был счастлив, как подросток, что этот вечер прошел именно так. Влюбленность в Алахчит, привычная сама по себе, потому что была давней, была подобна тем тлеющим углям, которые сейчас оставались от костра. Они грели, могли обжечь, но у них не было повода стать пожаром. А этот вечер был подобен порыву ветра, который превратил угли в пламя.

Санджар понимал, что не должен слишком спешить, но был рад, что Алахчит сейчас была не против его ухаживаний. Ему было хорошо рядом с ней. Просто сидеть с ней наедине у остра и обнимать её уже было наградой за все то время, что она держала его на расстоянии.
